МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЭПОХИ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

извлеченные изъ разныхъ авторовъ.

ХРОНИКА ПЯСЕЦКАГО.

Переводъ и примѣчанія

Проф. В. Н. Александренко.

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское-Предмѣстье, № 3.

1909.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *Е. Карскій.*

MONUMENTA HISTORICA

res Moscoviae et Poloniae illustrantia

ex variis auctoribus electa.

CHRONICA PIASECII.

Russice convertit et annotavit

B. Alexandrenko,

Prof. Univ. Varsaviensis.

VARSAVIAE.

MDCCCCIX.

ДИМИТРІЙ I, САМОЗВАНЕЦЪ

И СКАЗАНІЯ О НЕМЪ ПОЛЬСКИХЪ ХРОНИКЪ.

№ I.

ХРОНИКА[1] ПАВЛА ПЯСЕЦКАГО[2].

Pauli Piasecii Chronica, a. 1604—1606.

An. Chr. 1604.—Hoc eodem anno Polonia diuturnioris belli Moschovitici concepit incitamentum: Demetrius enim quidam ex Moschovia veniens et pluribus annis in Provinciis Russiae oberrans, in Aulis diversorum ibi Principum habitu famulari, cum originis suae ex Ducibus Moschoviae et servatae ab insidiis vitae seriem diutius praedicasset, tandem narrationi suae fidem et patro-

Въ этомъ же (1604) году получила въ Польшѣ начало долголѣтняя Московская война (и вотъ почему). Какой-то Димитрій, выходецъ изъ Москвы, въ теченіе многихъ лѣтъ скитавшійся по русскимъ областямъ и служившій при дворахъ разныхъ тамъ пановъ, сталъ разсказывать длинныя повѣсти о своемъ происхожденіи отъ Московскихъ князей и своемъ

---

[1]) Извлеченіе изъ хроники епископа Пясецкаго, стр. 221 и сл., подъ загл.: Chronica gestorum in Europa singularium a Paulo Piasecio, Episcopo Praemislensi juxta exemplar impressum Cracoviae. Хроника П. обнимаетъ событія 1571—1648, вышла тремя изданіями (въ Краковѣ въ 1645, 1648, и въ Амстердамѣ въ 1649), въ 1870 г. б. напечатанъ польскій переводъ этой хроники (Kronika P. Piaseckiego, Kraków 1870) съ біограф. очеркомъ Юліана Бартошевича (стр. 1—LXXXII). Въ Рус. Арх. 1886 кн. 3 стр. 285—286 напечатано было „Польское показаніе о Димитріи Самозванцѣ" сообщ. архимандритомъ Леонидомъ, переводъ, повидимому, сдѣланъ ближе къ польскому, чѣмъ къ латинскому тексту.

[2]) Павелъ Пясецкій род. въ 1579 г. ум. въ 1649, учился въ Пражской Академіи, затѣмъ въ Римѣ, и вернулся въ Польшу въ 1601—1602 г., въ 1627 назначенъ былъ еписк. Каменецкимъ, затѣмъ Холмскимъ и Перемышльскимъ (съ 1644 г.). По своему характеру П. отличался прямотой, любилъ сказать правду въ глаза всякому, ненавидѣлъ іезуитовъ, не любилъ Австріи, питалъ симпатіи къ русскимъ и казакамъ. Достоинства его хроники давно оцѣнены въ литературѣ, изложеніе отличается ясностью мысли и простотою. Для насъ важно то, что хроникой П. пользовался неизвѣстный авторъ соч. The Russian Impostor, or the History of Muscovy under the usurpation of Boris and the Imposture of Demetrius late Emperors of

cinium causae invenit. Eam autem (veramne an commentitiam hujusque parum constat) tali ratione instruebat.

Ioannes Basilius Dux Moschoviae duos filios reliquisse dicebatur, Theodorum et Demetrium, quorum Theodorus primogenitus et tunc jam adultus in illo Principatu Patri defuncto successerat. Demetrius autem in ultima senecta illi susceptus a matre in propinquo quodam castro Uglecz dicto educabatur. Cum itaque Theodoro natura placido et valetudine infirma, ac propterea Imperii curas postponente, Boris Odonov Comestabilis seu Magister equitum (Stabuli praefectum vulgo illi dicunt) Moschoviae, cujus sororem uxorem Theodorus habebat, favore ejusdem sororis suae apud illum summum rerum arbitrium obtineret, inescatus dominandi dulcedine, ad occupandum illud Imperium aspiravit. Nec difficilis ad id patebat illi accessus, cum Theodorus aegritudinibus consumptus et procreandae proli minus habilis, in brevi moriturus esset sterilis, dummodo prius infans tenellus Demetrius e vita tolleretur. Hunc itaque Demetrium summissis ad Castrum in quo alebatur sicariis personatis, idem Boris

спасеніи отъ сѣтей раскинутыхъ для его погибели, и наконецъ нашелъ словамъ своимъ вѣру, а дѣлу покровительство. Эти приключенія, истинныя или вымышленныя дѣло неизвѣстное, онъ такъ разсказывалъ.

Иванъ Васильевичъ, Великій Князь Московскій, оставилъ по себѣ двухъ сыновей; изъ нихъ Ѳеодоръ старшій и уже тогда взрослый вступилъ послѣ смерти отца на тронъ; Димитрій же, родившійся въ поздней старости отца воспитывался подъ надзоромъ матери въ недалеко находящемся Углицкомъ замкѣ. Когда же Ѳеодоръ, отъ природы смиренный и слабаго здоровья, отстранялся вслѣдствіе того отъ дѣлъ управленія — Борисъ Годуновъ, великій конюшій Московскаго государства, какъ его тамъ вообще называютъ, сестра котораго была за мужемъ за Ѳеодоромъ, по благоволенію той же сестры, — получилъ у него въ свои руки верховное управленіе дѣлами, прельщенный же сладостію власти онъ сталъ стремиться къ ея обладанію. Доступъ къ ней не былъ уже такъ затруднителенъ, когда Ѳеодоръ, удрученный болѣзнями и еще менѣе способный оставить наслѣдника, вскорѣ долженъ былъ умереть бездѣтнымъ и оставалось только предварительно

Muscovy, London MDCLXXIV, предполагавшій, что этотъ ученый историкъ относительно того мнѣнія, былъ ли Димитрій I Самозванцемъ — придерживался противоположнаго взгляда. Въ рус. литер. (Аделунгъ, Козубскій и др.) это сочин. ошибочно приписываютъ Д. Мерику, умерш. въ 1638 г. Также какъ и неизв. англійскій писатель смотритъ на Пясецкаго и Нѣмцевичъ, утверждая, что Пясецкій болѣе склонялся къ тому, чтобы не считать Димитрія Самозванцемъ. Dz. panow. Zygmunta III т. II стр. 201: Piasecki bardziej się skłania do wiary, że Dymitr był ocalonym przy życiu i że inne podobne jemu pacholę... zamordowane było.

necari jusserat: sed mater Demetrii praemonita, alium ei coaevum in ejus lecto supposuit, venientibusque sicariis occidendum permisit, (verita nimirum et ipsa Borissii saevitiam) Demetrio clam cum uno nutritio talis arcani conscio ad tutiora dimisso. Et Borissius quidem patrato tali sceleri speciem obtendens, Demetrium illum peste extinctum dicebat, ac matrem ipsius in Monasterium detrusam, ut hoc idem asseveraret severioribus minis obstrinxerat, Demetrius vero (nisi tamen fabulam egerit [2]) in Russia Polonica educabatur. Non multo post autem Theo-

лишить жизни малолѣтняго Димитрія. И вотъ Борисъ приказалъ умертвить его подосланнымъ отъ него тайнымъ злодѣямъ, но предувѣдомленная [1]) о семъ мать Димитрія вмѣсто сына, уложила (спать) въ его ложе другаго его сверстника и боясь жестокости Борисовой, допустила пришедшимъ злодѣямъ умертвить его, а Димитрія съ однимъ изъ его воспитателей [2]), посвященнымъ въ (эту) тайну отправила скрытно въ безопасное мѣсто. Борисъ же для сокрытія исполненнаго злодѣянія пустилъ слухъ, будто бы Димитрій

---

[1]) У Миллера мать предвидѣла опасность, Sammlung Russischer Geschichte B. V, 1 и 2, St. Petersburg 1760 s. 52: Der Zarin ahndete nichts gutes. Sie war für ihren Prinzen ungemein besorget und liesz ihn fast nicht mehr aus den Augen.

[2]) Легенда о спасеніи Димитрія имѣетъ три основныхъ версіи: 1) первая, наиболѣе ранняя, записанная кн. А. Вишневецкимъ, очевидно со словъ Д., спасеніе его приписываетъ какому то доктору, который впослѣдствіи передъ смертью передалъ его боярскому сыну (см. Пол. дѣла въ Кениб. Госуд. Арх. König-Staatsarchiv 1603—1604. Summa Rel. Poslanca J. M. Pana Ad. X. Wiśniowieckiego do Króla) Этой версіи держится и король Сигизмунтъ III въ дек. 1604 г. въ инстр. на сеймики (Arch. domu Sapiehów, t. I, стр. 437 прим.: za przewagą doktora swego ochronion od śmierci, o którem jako trudno mieć pewność, tak i z drugiej strony są też podobieństwa do prawdy т. е. этому разсказу трудно повѣрить, но есть въ немъ кое-что правдоподобное, добавляетъ король), и Вацлавъ Діаментовскій (Dyaryusz, изд. Гиршбергомъ, 1901, стр. 11 — 12: był przy Carowicu doctór, niejaki Wloch; ten wziąwszy wieść o zdradzie onej tym sposobem zabiegał, т. е. получ. изв. о заговорѣ предупредилъ его такъ; далѣе какъ и Вишневецкій—Д-ій разск., что въ постель былъ положенъ др. мальчикъ, кот. убійцы и умертвили). 2) Вторая версія, болѣе поздняя, приписываетъ спасенія воспитателю (см. Pierling, La Russie et le Saint-Siège, III p. 433: maestro di quello...) Эту версію встрѣчаемъ у Поссевина (Оболенскій, Иностр. соч. и акты, Москва 1847 стр. 5, Повѣствованіе... Бареццо-Барецци), ему же слѣдуетъ и Пясецкій. 3) Третья версія, запис. въ то время, когда былъ откр. заговоръ Шуйскаго, Вильям. Скоттомъ гов.: „по общей молвѣ до выполненія замысла отрокъ (the child) былъ подмѣненъ, другой положенъ на его мѣстѣ и убитъ въ его комнатѣ", затѣмъ Скоттъ (въ зап. хран. въ Лонд. Гос. Арх.) говоритъ: спасеніе его приписываютъ помянутому Богдану Бѣльскому, Андрею Щелкалову и Петру Клешнину, тотъ (т. е. Бѣльскій еще живъ (значитъ можетъ подтвердить), а эти оба нынѣ померли. Любопытно также, что это свид. Скотта наход. себѣ кое-какія подтвержденія. Миллеръ (Samml. Rus. Gesch. St. Pet. 1760 s. 283), приводитъ рѣчь Бѣльскаго утвердавшаго въ виду Кремля передъ народомъ о томъ, что „Божій промыселъ сохранилъ для Россіи законнаго наслѣдника". „Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича говорилъ онъ народу и въ увѣреніе св. словъ цѣловалъ крестъ и икону Николая чудотворца". Костомаровъ, Смутн. вр. стр. 255 (изд. 1883). По свид. Массы Марѳа будто бы говорила Борису, что сына ея тайно увезли, и что она узнала объ этомъ отъ людей, которыхъ нѣтъ въ живыхъ (Сказанія Массы и Геркмана С. Петербургъ 1874, 134) и друг.

[2]) Въ польс. перев. jeźli bayki nie zmyślał — если сказанія не выдумалъ.

dorus decessit, et stirpe Ducali nulla alia superstite (aderat Mikita Romanowicz remotior illus stirpis cognatus sed ignavus) Boris principatum sine negotio obtinuit Optimatum suffragiis, quorum studia vivente Theodoro ad hoc ex industria sibi conciliaverat. Sed Demetrius ut adoleverat, generis et vicissitudinem fortunae suae seriem prodit et ludibrio primum re excepta, cum dicta signis et argumentis clarioribus comprobaret, pluribus persuasit, et praecipue Georgio Mniszek Palatino Sendomiriensi, ut patrocinium ejus causae susceperet, facta pactione, quod ille Imperium Moschoviae adeptus, filiam ejus uxorem duceret, ac refunderet impensas in talem expeditionem faciendas. Summa itaque celeritate Palatinus conscripsit exercitum, et adscito in societatem suam Duce Constantino Wiśniowiecki, multisque aliis insignioribus Russiae proceribus, qui numerosa militum agmina stipendiis propriis ad hoc collegerant, sub finem anni istius in Moschoviam cum Demetrio illo intravit, armis eum in Principatum paternum restituturus. Nec infelici successu, si finis principio respondisset, ut paulo post apparebit. Haud dubie maxima rerum conversio in Imperio Moschorum inde promanavit et si verum illud, Cometas magnes calamitates praenuntiare, non alteri nisi Poloniae et Moschoviae pro-

умеръ отъ морового повѣтрія и мать его, въ монастырь заключенную, вынуждалъ суровыми угрозами подтверждать это, а Димитрій тѣмъ временемъ (если вѣрно сказаніе) воспитывался въ Польской Руси. Немного же спустя Ѳеодоръ скончался и когда изъ рода великокняжескаго не оставалось ни одного потомка (былъ родственникъ по матери ему Никита Романовъ, но человѣкъ безъ энергіи) Борисъ при помощи бояръ, коихъ расположилъ къ себѣ еще при жизни Ѳеодора, безъ затрудненія достигъ власти (т. е. сталъ самодержцемъ), а Димитрій, когда подросъ, начинаетъ разсказывать о знатности своего происхожденія и различныхъ превратностяхъ своей судьбы. Сначала его встрѣтили смѣхомъ, когда же онъ разсказъ свой подтвердилъ примѣтами и болѣе убѣдительными доводами — многихъ увѣрилъ и между прочимъ заручился поддержкою своему дѣлу Юрія Мнишка, воеводы Сендомирскаго. Съ нимъ онъ заключилъ договоръ [1]), что когда вступитъ на престолъ — возьметъ себѣ въ жены его дочь и возмѣститъ расходы [2]) на таковое предпріятіе. Тогда воевода съ величайшей поспѣшностью собралъ войско и привлекъ къ соучастію (въ походѣ) князя Константина Вишневецкаго и многихъ другихъ пановъ (Польской) Ру-

[1]) Запись и грам. см. у Бутурлина, Ист. см. вр. I. 79 — 82; Собр. гос. грам. и дог. II № 76. Впослѣд Димитрій отступалъ отъ данныхъ обѣщаній (Чтен. въ Имп. Общ. ист. и др. рос. 1846, № 1, стр. 41 статья Бодянскаго).

[2]) Масса (н. с. стр. 104): Димитрій обязался уплатить все, что польскіе паны и іезуиты изъ нѣкотор. монастырей дадутъ ему въ займы.

xime subsequentia belli Civilis mala praedixit Cometes ille, qui anno antecedenti tertia die Octobris primum in decimo septimo Sagittarii gradu conspectus, usque ad finem anni istius luxit, magnitudine et splendore Hespero seu Veneris stellae non dissimilis, cum et caudam nullam haberet Cometis alioquin usitatam.

An. Chr. 1605. — Ut autem Demetrius sub finem anni praeteriti trajecto apud Kijoviam Boristhene confinia Moschoviae attigerat, non paucos Moschorum in suas partes trahebat et plura viciniora Oppida occupaverat. Et licet initio anni istius 1605 iniquiorem fortunam fuerit expertus, nempe quod exercitus Ducis Borissii Moschoviticus apud Nowogrodek Siveriae mense Januario

си, которые на свой собственный счетъ собрали значительный отрядъ войска. Подъ конецъ года Мнишекъ съ этимъ Димитріемъ вступилъ въ предѣлы Московскаго государства, надѣясь возстановить его путемъ оружія на отеческомъ тронѣ, что ему и удалось бы счастливо, если бы конецъ отвѣчалъ началу, какъ будетъ видно немного ниже. Безъ сомнѣнія отъ него послѣдовалъ въ Московскомъ государствѣ величайшій переворотъ, и если вѣрно то, что кометы предзнаменуютъ великія несчастія, то дѣйствительно никому другому, какъ Московскому государству и Польшѣ возвѣщала, грядущія вслѣдъ бѣдствія гражданской войны та комета, которая была видна впервые 3 октября предшествующаго года въ 17 гр. Стрѣльца и сіяла до конца этого года, похожая величиной и блескомъ на вечернюю звѣзду или Венеру, хотя и обычнаго хвоста эта комета не имѣла [1]).

1605 г. — Когда Димитрій въ концѣ предидущаго года перешелъ Днѣпръ у Кіева и достигъ границъ Московскаго государства, немало русскихъ привлекъ на свою сторону и многіе сосѣдніе города занялъ. Хотя въ началѣ этого 1605 г. онъ испыталъ противоположное счастіе (т. е. неудачу), именно когда московское войско Бориса въ январѣ мѣсяцѣ у Нов-

[1]) По Беру комета была видна въ Россіи во второе воскресеніе послѣ Сошествія Св. Духа 1604 г. Борисъ призвалъ къ себѣ одного старика, пріѣхавшаго изъ Германіи и спрашивалъ его мнѣнія. Старикъ сказалъ: „тебѣ грозитъ великая опасность" и совѣтывалъ ему оберегать границы и внимательно смотрѣть за людьми, которымъ онъ ввѣряется. Устряловъ, Сказанія соврем. о Димитріи Самозванцѣ ч. I. стр. 44—45 (С. Петербургъ 1831).

ejus copias, necdum ad praevidendum et excipiendum periculum bene ordinatas dissipaverat, paulo post tamen ille recollectis animis suorum et viribus Borissianos repressit et Putivlum, Bielscum insigniora Moschoviae in illo tractu oppida in suam potestatem redegit. Unde Boris gravius illud periculum quam speraverat sibi imminere videns 60 milium exercitum ex Provincialibus suis conscripsit, eumque mense Aprili contra Demetrium convertit.

Miserat etiam legatum ad Regem Poloniae Sigismundum, exprobrans fractam pacis ad 20 annos nuper stabilitae fidem illo hostili Polonorum in Moscoviam cum Demetrio (impostore addebat) ingressu; sed responsum accepit, ea rege ac Republica in-

городъ-Сѣверска разсѣяло его полки, недостаточно хорошо еще организованные для предупрежденія и устраненія опасностей, однако вскорѣ укрѣпившись духомъ и собравши силы онъ оттѣснилъ войска Бориса и привелъ [1]) подъ свою власть болѣе важные на томъ пути города — Путивль и Бѣльскъ. Борисъ же видя, что ему большая угрожала опасность, чѣмъ онъ предполагалъ, собралъ по областямъ своимъ 60 тысячъ войска и выслалъ ихъ противъ Димитрія въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Онъ отправилъ также посла [2]) къ королю Польскому Сигизмунду III, укоряя его въ нарушеніи недавно заключеннаго на 20 лѣтъ перемирія [3]) этимъ враждебнымъ на Московское государство нашествіемъ вмѣстѣ съ Димитріемъ, котораго Борисъ на-

---

[1]) Даты похода прив. у Бантышъ-Каменскаго стр. 48 — 50, ср. также и въ зап. Борши въ Рус. Ист. Библ. т. I стр. 366—402.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Переп. между Россіею и Польшею по 1700 г. ч. II (1584—1612) Москва 1862, стр. 45: „Какъ скоро о семъ дерзкомъ самозванцѣ и о защитникахъ его извѣстился Царь Борисъ, то немедленно приказалъ Боярамъ своимъ отправить съ грамотами къ польскимъ вельможамъ посланца Смирнаго Отрепьева, роднаго сего Самозванца дядю, какъ для донесенія Вельможамъ о всѣхъ его происхожденіяхъ и о побѣгѣ, такъ и для обличенія лицемъ къ лицу, что онъ, будучи точно его племянникъ, ложно Царскимъ нарицается именемъ. Отрепьевъ, будучи допущенъ предъ Вельможъ на аудіенцію, хотя и домагался, чтобы они показали ему, племянника его, Лжедимитрія, но Вельможи, не склонясь на требованіе его, отпустили сего посланца, увѣривъ, что они помянутому Лжедимитрію ничѣмъ ни помогать, ни за него стоять не станутъ". Пирлингъ предпол., что См.-Отр. б. высланъ въ Краковъ въ полов. авг. 1604 г. Пясецкій не упом., что Б. въ концѣ 1604 отпр. второго посланника въ Польшу Посника—Огарева, кот. жаловался на наруш. перем., называлъ Димитрія Самозванцемъ и требовалъ его выдачи.

[3]) Бантышъ-Каменскій н. с. стр. 41: перемиріе было заключено 11 марта 1601 г. на 20 лѣтъ считая съ 15 авг. 1602 г. по 15 авг. 1622 г. на томъ, чтобы „во все оное перемирное время войны между собою не замышляти". Для ратификаціи договора 6 авг. 1601 г. были отпр. послы въ Польшу (Мих. Глѣб. Салтыковъ-Морозовъ, Вас. Тимоѳ. Плещеевъ и дум. дьякъ Аф. Власьевъ), 7 янв. 1602 г. король, отпуская пословъ цѣловалъ крестъ на ратиф. грам., обѣщая свято сохранять перемиріе, и на сеймѣ 1605 г. королю указывали (Дорогостайскій), что онъ присягалъ не за себя лично, а за сенаторовъ и рыцар. сословіе соблюдать миръ съ Москвой. На сам. дѣлѣ король дѣйств. двулично: тайно помогая Димитрію—онъ показывалъ видъ, что походъ Димитрія—это дѣло частной иниціативы, а посламъ Шуйскаго говорилъ даже, что онъ отозвалъ Мнишка изъ похода, и воевода вернулся въ Польшу по его настоянію.

scia agi et a Demetrio Moscho nato ac a Moschis adjuto, tumultus ibi excitatos ad pactorum vincula nil pertinere. Nec multum obfuisset paci communi illa offensa, nisi successisset alia, ex eadem tamen enata, ut suo loco aparebit.

Tunc autem accepto tali responso Dux Moschoviae Boris Odonow, arma ad reprimendum Demetrium comparabat: et facile oppressurus videbatur virium magnitudine, hominem non plus quam quinque millium tumultuaria manu, nullis certis stipendiis ad fidelius obsequium, et ad subeundam militarem disciplinam obligata stipatum, non pecuniis, non ullo apparatu, aut peculio bellico instructum, et rei militaris prorsus ignarum. Sed fortuna raro inconstantiae et temeritati non sociata, juvit ausum Demetrii, quantumvis malè consultum vicissitudine subita, quae illius saeculi prudentiorum et celebriorum militiae Ducum de isto bello nullo consilio, ordine praepostero, et per omnia temerè suscepto, male ominantium ingenia fatigavit. Ecce enim occulto Dei iudicio, quo imperia stant et cadunt, Boris Dux mensis Aprilis die 13 dum Legationes Principum externorum publice audit, repentino viscerum cruciatu correptus, ore, naribus, auribus,

зывалъ самозванцемъ; но ему былъ данъ отвѣтъ, что то дѣлалось безъ вѣдома Короля и Рѣчи Посполитой, а волненія же поднятыя тамъ (на Руси) Димитріемъ, русскимъ по рожденію, и дѣйствующимъ при помощи русскихъ,— не имѣютъ никакого отношенія къ обязательствамъ договора. Но это нарушеніе незначительно повредило бы общему миру (между государствами), если бы оно не вызвало другихъ послѣдствій, изъ него вытекавшихъ, какъ это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ.

Получивъ такого рода отвѣтъ Борисъ, Великій князь Московскій, сталъ приготовлять тогда войска, чтобы разгромить Димитрія, думая что легко сокрушитъ численностью своихъ силъ его (Димитрія), какъ человѣка не имѣющаго съ собою болѣе 5000 собраннаго сброда, не привязаннаго къ подчиненію какимъ либо опредѣленнымъ содержаніемъ, не обученнаго военной дисциплиной, человѣка у котораго нѣтъ ни денегъ, ни приспособленій для войны, и въ военномъ дѣлѣ совершенно несвѣдущаго. Но судьба, рѣдко не связанная съ непостоянствомъ и легкомысліемъ, смѣлость Димитрія, хотя и дѣйствовавшаго по дурному совѣту поддержала неожиданной перемѣной, смутившей умы тѣмъ болѣе славныхъ всѣхъ начальниковъ, которые предсказывали дурной конецъ этой войнѣ, предпринятой безъ толку, безъ плана, и во всѣхъ отношеніяхъ необдуманно. И вотъ тайнымъ судомъ Божіимъ, коимъ государства стоятъ и пада-

multam sanguinis copiam, et una animam profudit, illicoque extinctus procubuit.

Quo casu tam horribili Moschi Proceres, etiam conjunctiores isti defuncto territi, animis conciderunt, et plures (ut est gens superstitiosior) justitiam causae Demetrii inde metientes, ad eum inclinare coeperunt. Reliquerat Boris filiolum infantem, penes quem eiusque matrem imperium manere Optimates Moschi voluerant, et exercitus collecti in ejus fide persistebant. Sed

ютъ—у Бориса апрѣля 13 во время публичной аудіенціи иностранныхъ пословъ[1]), когда онъ почувствовалъ неожиданно боль въ желудкѣ, изъ рта, ноздрей и ушей открылось большое кровотеченіе и онъ, и спустивъ духъ, на мѣстѣ палъ мертвый.

Пораженные этимъ ужаснымъ случаемъ и тѣ также, кто былъ ближе къ покойному князю, Московскіе бояре пали духомъ и многіе изъ нихъ (ибо это народъ суевѣрный), признавая отсюда справедливость дѣла Димитрія, стали переходить на его сторону. Борисъ оставилъ послѣ себѣ несовершенолѣтняго сына, ему и матери его бояре Московскіе хотѣли

---

[1]) Смерть Бориса, несомнѣнно скоропостижная, породила разные толки. Маржеретъ и Лавицкій приписывали его смерть апоплексіи (Лавицкій къ Гродзицкому, 16 авг. 1605, у Пирлинга Rome et Démétrius стр. 211: Borissius certo apoplexia extinctus. Uxor et se et filium de medio veneno sustulit). Нѣкоторые полагали, что онъ умеръ естеств. смертью (Платоновъ Древнерус. сказанія и повѣсти С. П. 1888 стр. 31—32, прим.). Беръ (Буссовъ), Паерле утверждаютъ, что Борисъ самъ принялъ ядъ (Устряловъ, Сказ. соврем. о Самозв. т. I, 51; II, 33), и эта увѣренность держалась и въ народѣ („умертвилъ себя Борисъ съ горя ядомъ змѣинымъ"). Въ письмѣ же напеч. у Нѣмцевича (Dzieie panow. Zygmunta III, t. II, s. 356) отъ 11 мая 1605 г. Самозванецъ писалъ Мнишку: по написаніи этого письма гонцы привезли намъ вѣсть изъ Ливенъ отъ тамошняго воеводы, что 29 апр. Борисъ торжественно принималъ иноземцевъ (т. е. иностр. пословъ), вдругъ полилась кровь у него изъ носа, ушей, и затѣмъ какая то сила свергла его съ престола, и ударила о землю, и такъ онъ жалко (marnie) отошелъ изъ этого міра. Этой версіи, разсчитанной несомнѣнно на то, чтобы произвести впечатлѣніе въ народѣ — слѣдовали Баренцо — Баренцки (въ Повѣств. о зам. и чуд. завоев. и пр.; см. изд. Оболенскаго Москва 1847), неизв. авт. соч. The Russian Impostor... London 1674 (стр. 58: He was seized with a violent tearing in his Bowels, a deluge of Blood flowing out of his Mouth. Ears and Nostrils, with which after some moments his enraged soul issued out, leaving the Body a horrid spectacle to all about him and a Monument of the instability of human greatnes. Далѣе авт. приб.: some say he died of an Apoplexie, others that he was poysoned — т. е. одни гов. что онъ ум. отъ апоплексіи, а др. что его отравили. Изъ этого видно, что кромѣ Пясецкаго автору изв. были и др. источники). Той же версіи также придерживаются и нѣкот. изъ новѣйш. истор. (Иловайскій См. вр. М. 1894, стр. 35; Костомаровъ С. вр. 1883). Изъ совр. прив. пис. Гославскаго къ епис. С. Рудницкому (Фрауенбург. Арх. Arch. Frauenb. N. 41 f. 69) 20 іюня 1605 г.: Do Króla J. M. Pan — Woiewoda Sendomirski pysal yz Dimitr do niego poslal z tym Godon Czar Moskiewski siedząc pro maista(te) sluchaiąc poslow Krola Dunskiego y Karolus swecgo 29 aprilis nagle zdachl, zaczim wsiska (wszystka) Moskwa rzocila sie do Dymitra y za Pana go przyala, koronacia jego ma byez 3 Julii, Pana Woiewode, Sendomirskiego oiczem zowie, o czorke go prosi y po nie poslac ma skoro po koronacii y posly do Krola J. M., Czarem sie Moskiewskim pisze. Друг. варіанты о см. Бориса см. прим. къ хроникѣ Любенскаго.

Demetrio majori iam fiducia copias suas versus Moschuam Imperii sedem promovente, postquam semel et iterum minus prospere (ut in perturbatis et divisis animis evenire consuevit) contra eum pugnassent, unà cum suo Praefecto Bogdano, in partes ipsius transierant, et Borissii uxor re desperata, filio filiaeque suae venenum propinavit, idemque ipsa sumens una interiit.

Omni itaque ope destituti Proceres Moschi, cum nullum (unoquoque Procerum periculum subterfugiente) Ducem haberent quem sequerentur, nec tempus haberent ad recolligendas vires quas opponerent Demetrio, accessione copiarum Borissianarum, et auxiliis novis ex Polonia accurrentibus aucto, ei se submiserunt, ac vigesima die mensis Iunii hujus anni in Regiam Moschoviae introducto fidelitatem iuraverunt, traditis ipsi ritu solenni Imperii insigniis. Visitaverat Demetrius altero post ingressum suum Moschuam die Ioannis Basilii Ducis uxorem, matrem suam (ut asserebat) in Monasterio quodam degentem, quae in praesentia Procerum, eum esse filium suum ex Basilio Duce agnovit, et indicia veri-

ввѣрить управленіе государствомъ, вѣрными имъ оставались и собранныя войска. Эти войска — по мѣрѣ того какъ Димитрій подвигалъ свои силы къ Москвѣ, столицѣ государства, послѣ одной, другой менѣе удачныхъ съ нимъ стычекъ (какъ это бываетъ при смутѣ и раздѣленіи умовъ) вмѣстѣ съ начальникомъ своимъ Богданомъ — перешли на его сторону [1]), жена же Бориса въ отчаяніи дала ядъ сыну и дочери и, сама его принявъ, вмѣстѣ съ ними окончила жизнь [2]).

Лишившись такимъ образомъ поддержки Московскіе бояре, не имѣя ни вождя коему бы они слѣдовали (ибо каждый изъ нихъ избѣгалъ опасности), ни времени для того чтобы собрать силы и противопоставить ихъ Димитрію, усиленному (уже) переходомъ войскъ Борисовыхъ на его сторону и прибывающими къ нему изъ Польши новыми подкрѣпленіями — подчинились Димитрію, и 20 іюня этого года, приведя его въ столицу Московскаго государства, присягнули ему на вѣрность, вручивъ ему по обычаю знаки высшей власти. На другой день послѣ въѣзда своего въ Москву Димитрій посѣтилъ жену князя Ивана Васильевича, свою (какъ увѣрялъ) мать, пребывавшую въ какомъ-то мона-

[1]) Подъ Кромами войско сначала присягнуло Ѳ. Бор., но вскорѣ въ немъ началось броженіе и 7-го мая войско передалось Димитрію, Платоновъ, Очерки по ист. смуты стр. 270. Богданомъ Пяс-ій назыв. очев. Басманова.

[2]) Пис. Димитрія къ Мнишку изъ Тулы 25 іюня 1605 г. (Кенигсб. Арх. Acta d. Poln. R. 1605 — 1607 f. 3): Zona Borysowa będąc w więzeniu trucizną syna y sama siebie napoiwszi pozdichali, czorkę, tyi Doctorowie na samem prawie schilku smierci poratowali (жена Б. наход. въ тюрьмѣ напоивъ себя, сына и дочь ядомъ умерла, а дочь доктора спасли передъ самой смертью).

tatis ostendit, ac omnem illius fubulae seriem confirmavit. Sed tamen taciti Moschi eum esse impostorem judicabant, investigato quasi esset Otropiei Bojari cujusdam ab oppido Galicz filius Hriszko denominatus: et presso consilio, jam inde tollendum decreverant opportunitate quaesita, maximè ad submovendos ab eo primum Polonos, quorum validum robur pro custodia sui corporis in ipsa Vrbe Moschua retinuerat. Augebantur autem in eum odia illius populi Religionis suae tenacissimi inde quod statim ritus eorum Graecos contemnere coeperat, Latini ritus illi genti nusquam visi, et ab auditu exosi, tractatione pnblicè introducta: coma etiam capitis, gestu, habituque corporis cum eorum more non conveniebat, quod ipsi reputant piaculi summi loco. Nec in moribus apparebat ingenuitas Principe tanto digna, minusque gravitas, aut judicium in dirigendo statu publico: mox enim Regno Sueciae bellum denuntiârat: contra Turcas et Tartaros sese arma sumpturum Regi Poloniae scripserat, necdum sui status satis securus. Expedierat etiam confestim Legatos ad desponsandam sibi uxorem Palatini Sendomiriensis Georgii Mniszek, cujus ope ad tantum fastigium ascenderat, filiam Marinam nomine pretiosioribus gemmis, et maximae aestimationis monilibus depromptis ex veteri thesauro

стырѣ, которая въ присутствіи бояръ признала его своимъ сыномъ (рожденнымъ) отъ Ивана Васильевича и примѣты дѣйствительно подтверждающіе показала и вполнѣ подтвердила основаніе этого сказанія. Москвитяне же, храня молчаніе, однако считали его самозванцемъ, разузнавъ, будто бы онъ былъ сыномъ нѣкоего боярина Отрепьева изъ города Галича, по имени Гришка и съ того времени они по тайному сговору рѣшили его извести, воспользовавшись прежде всего удобнымъ случаемъ устранить отъ него тотъ сильный отрядъ поляковъ, который онъ содержалъ для своей охраны въ самомъ городѣ Москвѣ.

Нерасположеніе къ нему этого народа весьма преданнаго своей вѣрѣ возрастало еще болѣе отъ того, что Димитрій сразу сталъ презирать ихъ обряды греческіе [1]), обряды же латинской вѣры, тому народу невѣдомые, и по наслышкѣ ненавидимые—онъ допустилъ къ публично отправленію, и не сообразовался онъ съ ихъ (народными) обычаями [2]) ни ношеніемъ волосъ на головѣ, ни покроемъ своихъ одеждъ, ни своей внѣшностью, что у нихъ почитается грѣхомъ смертельнымъ.

Въ нравахъ его не было видно ни благородства, отвѣчающаго достоинству такого монарха ни еще менѣе сте-

---

[1]) См. соч. the Rus. Imp. стр. 93 (почти букв. пер. Пясецкаго) Demetrius his publike despising of the Rites of the Greek Church, and his so open endeavours to introduce that of the Latins abhorred by the people gave the first shock to their affections.

[2]) Ibid. and then his Habit, Garb and Gesture being wholly Foreign.

Ducum Moschoviae, ac ad ejus usum in Poloniam transmissis.

Hocque magis Moschos offendit: sed ipsi Demetrio forte profuit in eo, ut necem ei paratam conspiratores distulerint, donec cum sponsa supellex illa pretiosa integra, ducentis nummorum aureorum communium millibus aestimata in Moschoviam rediret. Quod ejus Legati, dum essent in Polonia (nempe ita instructi et talium arcanorum conscii) priusquam ea munera sponsae praesentassent, apud Palatinum sponsae patrem solicite praecaverant.

ценности [1]), или разсудительности въ управленіи государственными дѣлами, когда онъ, лишь только вступилъ на царство, объявилъ войну Швеціи [2]), королю же Польскому писалъ, что подниметъ оружіе противъ татаръ и турокъ, когда его самого положеніе не было достаточно безопасное. Точно также немедленно выслалъ пословъ къ воеводѣ Сендомирскому Георгію Мнишку для вступленія въ бракъ съ его дочерью, по имени Мариной, при помощи котораго онъ достигъ трона, а ей отправилъ въ Польшу дрогоцѣнные камни и особенно цѣнныя ожерелья, извлекши ихъ изъ древней казны Московскихъ государей.

Это же еще болѣе вызвало неудовольствіе московитянъ и заставило заговорщиковъ отложить исполненіе задуманнаго убіенія Димитрія, пока эти драгоцѣнности, оцѣниваемыя въ 200 тысячъ злотыхъ, не прибудутъ въ цѣлости обратно [3]) вмѣсто съ нареченной невѣстой въ Москву. О чемъ также, прежде чѣмъ эти подарки были вручены невѣстѣ — послы (Димитрія) — безсомнѣнія такъ наученные и въ эти тайны посвященные [4])—предварительно усло-

---

[1]) Ibid. стр. 93: a lightness in his Behaviour bearing no proportion with so exalted a Quality as he bore in the world; little Gravity, and less Judgment in the manage of Publick Affairs.

[2]) Ibid. From this short-sightedness being but newly invested in the Royalty he denounced War against the Swedes, and with the same vanity writ to King Sigismund that he would arm against the Turk and Tartar, before he knew the Constitution of his own Empire.

[3]) The Russian Impostor стр. 95.

[4]) The Rus. Imp. стр. 95 авт. вслѣдъ за Пясецкимъ утверж., что посол. Власьева б. посв. въ этотъ заговоръ: they therofore directed the Embassadors who were also privy to the Confederacie to make secret articles with G. Mniszeck

Una cum illis Legatis Demetrii ad sponsam, alia Legatio adfuit ad Sigismundum Poloniae Regem: et Cracoviae mense hujus anni Novembre, praesente Rege, et frequentia Procerum Poloniae, qui ad nuptias Regias ad proximum Decembrem instructas confluxerant, sponsalia illa apparatu superbo fuerunt celebrata. Rex cum filio et sorore Principe Sueciae adfuit convivio, et manu sua Legato Moscho tradidit sponsam; eam adhortatus, ut generis sui Poloni memoriam, et amorem retineret, ac fidem Catholicam in qua fuit educata tueretur. Reliqua scenae istius in anno subsequenti attingentur.

An. 1606.—Et dum haec in Polonia aguntur, in Moscoviam deducta sponsa Demetrii Moschoviae Ducis Marina filia Georgii Mniszek Palatini Sendomiriensis Moschuam illius Imperij sedem die 26 Mensis Aprilis superbo apparatu invilись съ отцемъ невѣсты воеводой Сендомирскимъ [1]).

Вмѣстѣ съ этими послами [2]) къ невѣстѣ прибыло другое посольство къ королю Польскому Сигизмунду, и въ ноябрѣ же мѣсяцѣ этого года былъ совершенъ актъ обрученія съ особой торжественностью въ присутствіи короля и многихъ пановъ польскихъ, которые съѣхались на свадьбу королевскую, имѣвшую быть въ слѣдующемъ декабрѣ мѣсяцѣ. Король съ сыномъ и сестрою королевной Шведской [3]) присутствовалъ на свадебномъ пиршествѣ и собственноручно передалъ Московскому послу новобрачную, убѣждая [4]) ее, чтобы она, помня, что родилась въ Польшѣ, сохраняла любовь къ своей родинѣ и свято соблюдала бы католическую вѣру, въ коей была воспитана. Дальнѣйшее будетъ изложено въ событіяхъ слѣдующаго года.

1606 г.... Пока эти событія происходятъ въ Польшѣ дочь воеводы Сендомирскаго Георгія Мнишка—Марина, нареченная невѣста Великаго Князя Московскаго Димитрія — 26 апрѣля [5]) мѣсяца имѣла торжественный въѣздъ

---

before they made their present of the Jewels to her, that she should bring them with her to Musco т. е. послы д. были согласиться съ Мнишкомъ въ секр. стат., чтобы подарки привезены б. Мариной въ Москву).

[1]) Наказы посламъ (на пол. яз.) хр. въ Моск. Арх. М. и. д. см. у Бантышъ-Каменскаго, Переписка между Россіею и Польшею ч. II, стр. 62—64.

[2]) Этими послами были „тайноглагольникъ", Аѳан. Ив. Власьевъ и позже отправл. Янъ Бучинскій (приб. въ Краковъ 3 янв. 1606 г.).

[3]) Анной.

[4]) Рѣчь короля и отвѣтныя слова Марины прив. у Бутурлина Ист. Смут. вр. I, 174—175; Рус. Ист. Библ. т. I, стр. 781—782.

[5]) Точно также къ 26 апрѣля относитъ въѣздъ Марины и неизв авторъ соч. the Rus. Imp. стр. 98. На сам. же дѣлѣ въѣздъ Марины происходилъ 2 (12) мая, его опис. у Гиршберга, Діаментовскаго (Hist. Rus. Mon. II, 165 — 166), Нѣмоевскаго (изд. Гиршберга Львовъ 1899 стр. 15 и слѣд.) и др.

travit. Aderat cum ea Pater ejus Palatinus, aderant et Legati Regis Nicolaus Oleśnicki Castellanus Malogostensis, et Alexander Corvinus Gąsiowski Referendarius Lithuaniae. Dux quoque, Constantinus Wiśniowiecki, Mathias Niemoiewski, et plurimi ex Polonia, praesertim militares, qui omnes magnificè a Duce illo excepti 29 Aprilis die solennia nuptiarum celebrarunt, epulis et ludis continuatis ad diem 16 Maii, cui ultimae festivitatis illius, proxima 17 sponsis et hospitibus luctuosa successit. Attigimus autem alio loco quod Moschi necessitate constricti Demetrium istum in suum Ducem receperant, ad tempus opportunum dissimulato, quod eum fuisse ementitum Basilii Ducis filium praesensissent. Sed ille adeptus imperium, auxit sibi subditorum odia, eo quod nulla imperandi arte instructus, nempè inter viliores servulos tota vita sua conversatus, omnia regiminis munia sine ratione, sine dignitate obiret, ganeonum et joculatorum familiaritati, consiliisque addictus. Inter quos etiam profusa liberalitate inter convivia pretiosiorem supellectilem ex veteri thesauro Ducum distribuebat.

въ Москву, столицу этого государства. Съ нею прибыли ея отецъ, воевода [1]), и послы короля Польскаго—Николай Олесницкій, каштелянъ Малогосскій и Александръ Корвинъ-Гонсѣвскій, референдарій Литовскій, а также князь Константинъ Вишневецкій, Матвѣй Нѣмоевскій, и много другихъ, особенно военныхъ.

Всѣхъ ихъ Государь великолѣпно принялъ, 29 была отпразднована свадьба съ непрерывно слѣдовавшими пирами и играми до 16 мая, за которымъ наступило 17 мая, печальный день для новобрачныхъ и гостей. Прежде въ другомъ мѣстѣ упоминали, что русскіе, покорившись необходимости, приняли этого Димитрія за своего Государя, скрывши до (болѣе) удобнаго времени то, что они предугадывали, будто бы онъ былъ вымышленный сынъ Государя Ивана Васильевича. Онъ же, достигнувъ правленія, еще болѣе навлекъ на себя ненависть своихъ подданныхъ тѣмъ, что онъ, совершенно не посвященный въ искусство управленія какъ тотъ, что всю жизнь свою проводилъ среди презрѣнныхъ холоповъ,--обязанности государственнаго правленія исполнялъ неразумно, безъ достоинства, слѣдуя совѣтамъ потакавшихъ ему пропойцъ и шутовъ [2]), въ сообществѣ которыхъ на пирахъ съ чрез-

[1]) Воевода приб. въ Москву ранѣе — 24 апр. ст. ст. и 25 б. принятъ Димитріемъ въ торжеств. аудіенціи, во время которой Самозванецъ горько плакалъ.

[2]) The Russ. Imp. 100: his whole time being spent in the society of Players, and such other Mimicks, whereby his Nature being vitiated, he grew profuse of the Treasures of the Crown, и далѣе почти цѣлая страница о недовольствѣ бояръ за нововведенія, и несоблюденіе стародавнихъ обычаевъ.

Quod vero magis commovit illam gentem tenaciorem moris sui patrii, quem vel minimum immutari summum piaculum reputat, omne pene Ducum Aulae veteris institutum, introducto in eam cultu et habitu externo inverterat, et Religionis Graecae Schismaticae innovandae, so Romano Catholicae sociandae metum illis populis incusserat evidentioribus argumentis, quam ratio Polytica in Dominatu necdum benè stabilito suaderet. Unde quamvis à principio non paucos haberet, qui ab ejus partibus stabant, vitiis tamen ejus et isti offensi, cum caeteris facile in ipsius perniciem conspirarunt. Studio autem ad nuptialia festa fraudem instructam occultarant, nimirum donec monilia pretii ex auro et margaritis ingentis de publico Ducum aerario deprompta, sponsaeque, dono (ut alias attigimus) missa, ex Polonia cum sponsa redirent, et praesidium Polonorum quod Dux tenebat, festis et ludis ducendis intentum, incautum (nempe genus ad pericula semper nimis securum) absque negotio opprimerent. Quod omnino ipsis ex voto successit: Ut enim Vasil, Ivan, et Bogdan Suiscii fratres, in quos materna stirps sanguinem Ducum et successionem proximiorem ad Principatum derivabat, conjurationem in illum Ducem novum instruxerant, in dissitis possessionibus suis collecta viginti armatorum millia, diversis portis, quasi diverasi nobi-

мѣрной щедростью онъ расточалъ (на подарки) драгоцѣнныя сокровища изъ древней казны Великихъ князей.

Что же еще болѣе взволновало народъ этотъ особенно преданный обычаямъ своей родины, малѣйшее измѣненіе которыхъ за наивысшій грѣхъ почитаютъ — это то, что онъ измѣнилъ весь почти стародавній строй двора Великихъ князей, установивъ вмѣсто него иноземные порядки и обычаи; убѣдительными доказательствами болѣе очевидными, чѣмъ тѣ, какія могъ бы продиктовать политическій смыслъ въ государственномъ управленіи еще не установившемся—навелъ страхъ на этотъ народъ, что онъ намѣревается либо реформировать православную греко-россійскую вѣру, или соединить ее уніей съ римско-католическою. Поэтому то, хотя онъ въ началѣ и имѣлъ немало своихъ сторонниковъ, но даже и тѣ, раздроженные его проступками, безъ труда вошли въ соглашеніе съ прочими (заговорщиками) на его погибель; заговоръ же заботливо скрывали до (самой) свадьбы, пока не прибудутъ изъ Польши дрогоцѣнности изъ золота и камней, добытыя изъ государственной Великокняжеской казны, и отправленныя (какъ выше сказано) невѣстѣ въ Польшу, и пока не вернется та охрана изъ поляковъ, которую Великій Князь держалъ при себѣ, чтобы ее безпечную (какъ людей всегда мало обращающихъ вниманія на опасности) безъ труда уничтожить. Это имъ вполнѣ удалось, какъ

liores ad obsequium tam celebris nuptiarum actus venirent, in Urbem introduxerunt, et nocte subsequente diem 16 Maii, qua splendidiori convivio omnes Poloni à Duce excepti solito plus in seram noctem hilaritati indulserant, et proinde tanto graviori somno torpebant, primo dilucolo campanae majoris sonitu ut condixerant signo sibi invicem dato, omnes opportunos transitus Urbis occuparunt, eodemque momento diuersi diuersa Polonorum hospitia, et Palatium Ducis invaserunt. Dux excitus insolito campanae sono prospexerat e fenestra, et ut vidit tumultuantes armatorum turbas, vestes assumere caepit: sed priusquam vestiri potuisset, irruentes conjurati portam primam illius conclavis effregerunt, facile paucis caesis excubitoribus cum reliqui adhuc in suis stationibus quiescerent, et mox alias portas demolientes Ducem persequebantur, qui semivestitus ad interiora palatii fugiens, cum ultra non haberet quo se reciperet per fenestram se demisit, et quantumvis casu illo collissus usque et sanguinem vomendo reptans, ad stationem stipatorum suorum Moschoviticorum, quae in Arce erat pervenit. Multitudine autem conjuratorum illo quoque accurrente, et atrociora quaeque stipatoribus, eorumque uxoribus ac liberis, ni ille dederetur comminante, traditus fuit, ac statim ab ipsis miserabiliter trucidatus. Deinde fune per pudenda transmisso, in forum ignominiosè tractum ejus cadaver ut populi fuisse occisum Ducem certo scirent, conspicerentque, jacuit toto eo

они желали, когда братья Шуйскіе, Василій, Иванъ и Богданъ, эти ближайшіе наслѣдники трона по материнскому родству, составивъ заговоръ на жизнь новаго князя и собравъ въ разныхъ владѣніяхъ своихъ до 20 тысячъ вооруженныхъ людей и привели ихъ въ столицу разными входами подъ видомъ разныхъ дворянъ прибывающихъ въ городъ на свадебныя торжества и ночью слѣдующею за 16 мая, условившись между собою, на разсвѣтѣ по звуку большого колокола, когда всѣ поляки послѣ блестящаго пира и веселья, затянувшагося до поздней ночи, спали крѣпкимъ сномъ захватили всѣ проходы и въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ бросились на жилища поляковъ и дворецъ Великаго князя.

Разбуженный необычайными ударами колокола, Великій князь посмотрѣлъ въ окно и видя волнующіяся группы вооруженныхъ людей, сталъ одѣваться; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ одѣться вторгнувшіеся заговорщики сломали первую дверь ведущую въ его покои, и безъ труда изрубили немногихъ его стражниковъ, тогда какъ остальные почивали въ своихъ покояхъ, и немедленно же, выламывая другія двери стали преслѣдовать Великаго князя, который, полуодѣтый, убѣгая въ внутреніе покои, и не найдя уже мѣста, гдѣ бы скрыться—выскочилъ въ окно, затѣмъ хотя и разбитый отъ паденія, истекая кровью, онъ ползкомъ дошелъ до поста, гдѣ

die ibi expositum, licet ob deformatam vulneribus faciem dignosci jam non potuerit, et demum in frusta concisum, igne fuit crematum. Per totam autem Urbem immaniori trucidatione Moschi... saevierunt in Polonos, praesertim militares, quos in hospitiis sommo adhuc sepultos aggredientes, primum arma tradere jubebant, annunciantes ita jussisse Ducem, quem illi caesum iam fuisse ignorabant, et armis ablatis omni amictu ad nudum spoliatos, securibus conficiebant. Aliqui solertiores cum tumultum audissent domibus suis obseratis, arma sumpserant, ac ferè omnes tales periculum evaserunt. Et Dux Wiśniowiecki ad quem plures Poloni sese aggregarant, non paucos ex Moschis vim sibi admotis etiam tormentis bellicis intentantibus, occiderat.

были русскіе караульные (стрѣльцы) въ Кремлѣ.

Тамъ же, когда сбѣжалось туда множество заговорщиковъ, которые пригрозили стрѣльцамъ, что они жестоко (расправятся) съ ихъ женами и дѣтьми [1]), если его не выдадутъ—его выдали и онъ тотчасъ же былъ ими умерщвленъ.

Затѣмъ трупъ его перевязанный веревкой... позорно повлекли на рынокъ, дабы народу вѣдомо было вочію убійство Великаго князя, тамъ выставленный лежалъ онъ цѣлый день, хотя лица нельзя было узнать, такъ оно обезображено было нанесенными ранами и наконецъ трупъ, изсѣченный на куски, огнемъ былъ превращенъ въ пепелъ. Русскіе же, по всему городу, избивая поляковъ [2]), въ особенности важныхъ, жестоко съ ними расправлялись, на каковыхъ нападая сонныхъ въ ихъ жилищахъ сначала требовали отъ нихъ именемъ Великаго князя выдачи оружія, объ умерщвленіи котораго поляки еще не знали, затѣмъ, отнявъ оружіе у поляковъ, рубили ихъ ограбленныхъ, неодѣтыхъ сѣкирами.

Нѣкоторые болѣе предусмотрительные заслышавъ тревогу, засѣвши въ своихъ запертыхъ жилищахъ, воору-

---

[1]) Рус. Ист. Библ. т. I, стр. 424. Дворяне закричали: „пойдемъ всѣ въ городъ, къ стрѣлецкимъ домамъ, и вырѣжемъ всѣхъ ихъ женъ и дѣтей".

[2]) Въ спискѣ поляковъ, убитыхъ въ эту ночь, хранящ. въ Кенигсб. Арх. (дѣла Пол. сейма 1605—1607 стр. 18) названы: Бобола, Глинскій, Готарскій, Ans Aller Niemczj (т. е. Анцъ, или Гансъ Ангелеръ нѣмецъ, это тотъ кот. былъ посланъ съ миссіей Годуновымъ въ Швецію, Данію, Бранденбургъ и Австрію), оба, Помасскіе, Марцинковскій, Головня, итал. купецъ Челари. Слугъ у Тарла убито 36 ранено 10 (лошади уведены); у воев. Сендом. убито слугъ и гайдуковъ 37, у Ратом. ского 20, музыкантовъ убито 17, ранено 8, итого въ общемъ убито 299, ранено 20

Legati Olesnicii domus mansit illaesa, Palatinus quoque Sendomiriensis, cum se ad defensionem comparasset, omnes quos apud se habebat, incolumes servavit. Sedato tumultu, Vasil seu Basilius Suyski Dux fuit renunciatus, qui data securitate Legato Regio, et Palatino, ac Duci Wiśniowiecki, eos intra septa stationis, quam quisque eorum tenebat sese continere jussit, additis custodiis, quae eos observarent. Sponsam caesi Demetrii reduci fecit ad Patrem Palatinum, sed omni penè mundo muliebri pretiosiori spoliatam: gemmae autem et monilia aurea, quae à Demetrio habuerat, ad thesaurum Ducalem referri curavit. Gynecaei Praefecta Tarlowa Castellana Sanocensis vulnus in capite acceperat, dum turbam à cubicolo Sponsae arceret, leve tamen, ac ipsa quoque cum omnibus Gynaecei cui praeerat faeminis ad Pa-

жились и таковые почти всѣ избѣжали опасности. Такъ князь Вишневецкій [1]), у котораго собралось много поляковъ, употребивъ въ дѣло пушки, умертвилъ немало на падавшихъ (на его домъ) русскихъ.

Домъ посольскій Олесницкаго остался нетронутымъ, какъ и воеводы Сендомирскаго и когда онъ приготовился защищаться, всѣхъ, кого онъ имѣлъ при себѣ, сохранилъ невредимыми (т. е. избавилъ отъ смерти). По прекращеніи волненія Василій Шуйскій былъ объявленъ Великимъ Княземъ, который, гарантировавъ безопасность польскому послу, воеводѣ, и князю Вишневецкому—повелѣлъ имъ каждому оставаться на своихъ прежнихъ дворахъ, къ которымъ для ихъ охраны поставлена была стража. Супругу убитаго Димитрія, у которой ограбили всѣ почти дрогоцѣнности, отослалъ къ отцу ея воеводѣ, драгоцѣнные же камни и золотыя ожерелья, полученныя ею отъ Димитрія — онъ позаботился возвратить въ Великокняжескую казну.

Управительница двора Марины, жена каштеляна Саноцкаго Тарлова [2]), когда за

---

[1]) Стадницкіе въ письмѣ къ Сапѣгѣ (8 іюля 1606 г.) изъ Москвы также подтверждаютъ, что В-ій храбро защищался (bronił się dobrze), пока не подоспѣли бояре и не успокоили толпу. Ср. также Сказанія Массы и Геркмана, С. П. 1874 стр. 203.

[2]) Впослѣдствіи въ благодарность Тарлу за причиненный ущербъ второй Самозванецъ (Тушинскій воръ) далъ на его имя слѣд. указъ:

Дмитръ Ивановичъ Божіею милостію, Царь всей Руси, Дмитровскіе, Углечскіе и проч. княжествъ и другихъ многихъ царствъ и ордъ татарскихъ Монархіи Московской подвластныхъ (podległych) государь и наслѣдникъ — объявляемъ, что мы, будучи признательны за преданность и благорасположеніе возлюбленнаго намъ благороднаго пана Павла Тарла, бывшаго при особѣ нашей въ тотъ часъ, когда по волѣ Господа Вышняго случилась у насъ измѣна нашихъ подданныхъ, который понесъ мною потерь — почему также, равно какъ и соболѣзнуя о при-

latinum fuit deducta. Statim autem a tumultu invaluerat rumor Demetrium Ducem vivum effugisse, eique applausu plurimorum excepto, fidem addidit non multò post apparens Demetrius, sive ille, sive alius, qui probè mores ac personam ipsius finxit. Poloni quoque necis suorum vindicandae avidi, mox ad eum magno numero confluxerunt, pro Demetrioque vero et Duce Moschoviae ipsum agnoverunt, orditique sunt Suyscio Duci novo fatalis belli telam, cujus

щищала ея покой отъ вторгавшейся толпы, была ранена въ голову, но легко, она также со всей женской свитой двора (Марины) была отослана къ воеводѣ Сендомирскому. Вскорѣ же послѣ этого волненія распространился слухъ, что Димитрій бѣжалъ и остался живъ, и этому слуху, подхваченному съ ликованіемъ, придалъ вѣру вскорѣ появившійся Димитрій, тотъ самый, или иной, который своей фигурой и привычками искусно подъ него сумѣлъ поддѣлаться [1]).

ключеніяхъ нашихъ, намъ отъ Господа Вышняго издавна опредѣленныхъ, обѣщали, когда Господь благоволитъ водворить насъ въ столицѣ нашей, дать ему изъ казны нашей 20 тысячъ польскихъ злотыхъ въ награду за потери, понесенныя отъ измѣнниковъ подданныхъ нашихъ. Таковое словомъ царскимъ обѣщаемъ исполнить, для большей силы приказали печатью нашей скрѣпить и собственноручно подписали. Данъ въ обозѣ нашемъ подъ столичнымъ городомъ Москвою въ государствахъ нашихъ 19 сентября 1608 г.

Dmitr Car.

Ориг. на пол. яз. наход. въ библ. гр. Дзялынскихъ въ Курникѣ (дер. лежащей въ 6 верстъ отъ желѣзнод.-ст. Гондекъ, по дорогѣ изъ Познани въ Крейцъ). Польскій текстъ пис. напеч. въ Wiadomość o krwawej a strasznej rzezi w m. Moskwie. Poznań 1858, стр. 44—45.

Орелъ на печати не русскаго происхожденія, круг. слова: всея Руси Самодержецъ Государь Царь и въ Господа л. 1608 (?) Поддѣлка грубая, слова недостаточно разборчивы.

[1]) Такъ кромѣ письма къ Тарлу Тушинскій самозванецъ оставилъ письмо къ Николаю Вольскому, въ которомъ также благодаритъ его за вѣрность, оказанныя услуги (В. помогалъ Бучинскому въ Краковѣ, купившему у Челари разн. предметовъ для свадьбы Д. на сумму 11690 пол. зл.) и надѣется на его содѣйствіе въ будущемъ, какъ бы намекая на то, чтобы В. хлопоталъ въ его пользу въ Италіи (В. былъ въ то время въ Флоренціи) и въ Краковѣ. Вотъ текстъ этого пис. (ориг. въ Гос. Арх. въ Флоренціи, напечатано съ нѣкотор. замѣч. у Краусгара Obrazy i wizer. histor. Warszawa 1906, 346): Dimitrius Ivanovic, Caesar totius Russiae, Magnus Dux Moschoviae... et aliarum Provinciarum finitimarum Moschoviae Dominus et haeres.

ductus in annis subsequentibus attingetur.

Поляки же, отмстить желая за смерть своихъ, тотчасъ стали собираться къ нему въ большемъ числѣ [1]), признали его за настоящаго Димитрія и втянули Шуйскаго, новаго Великаго Князя въ роковую для него войну, ходъ которой будетъ изложенъ въ послѣдующіе годы [2]).

Omni tempore insignem benevolentiam, fidem Vestram erga Nos experti sumus, neque jam quicquam dubitamus, quin eandem experiemur. Elapso etenim tempore in recuperando Dominio et regno Nostro, summum studium et amorem Sacrae Regiae Maiestatis agnovimus, tum et auxilium haud postremum ab eadem S. R. M. nobis exhibitum ac prestitum fuit... Iterum atque iterum rogatam velim fidem Vestram, ut ex parte fidei Vestrae in acquirenda et obtinenda s. justitia nobis auxilio sis (т. е. чтобы былъ помощникомъ въ пріобрѣтеніи того, что принадлежитъ намъ по справедливости), quod omni officiorum genere recompensare parati sumus (что восблагодарить готовы всяк. способ.) Datum in Provinciis nostris ex castris pene Branciae die 2 Januarii a. 1608 (дано въ област. наш. въ лаг. возлѣ Брянска 2 янв. 1608) Dmitr Car. Краусгаръ предполагаетъ (н. с. стр. 345), что письмо написано по совѣту Мѣховецкаго.

[1]) Одна изъ так. грам. кас. сбора войскъ для Тушин. самозв. сохран. въ Библ. Рачинскихъ въ Познани. Вотъ въ извлеченіи ея содержаніе: „Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Дмитрея Ивановича всея Руси и Господаря благовѣрного царевича и великого князя Петра Ѳедоровича всея Руси Самодержца Владимерскихъ, Московскихъ, Новгородскихъ, царей Казанскихъ, царей Астраханскихъ, государей Псковскихъ и Великихъ князей Смоленскихъ и иныхъ многихъ государей и обладателей и ихъ царского величества изъ Рославля отъ воеводы князя Дмитрея Васильевича Мосальскаго ротмистрамъ панамъ Ботвиню да пану Струсю и всѣмъ паномъ ихъ войска"... Воевода изв. далѣе о пол. имъ грамотѣ, коей „велѣно послати въ лиг. городы и писати штобъ вамъ паномъ собратися съ великимъ войскомъ съ литовскими людьми ити государемъ нашимъ служити и з великихъ грошей и с подарковъ и з большихъ и изъ суконъ стояти за государей нашихъ прирожденныхъ противъ ихъ царскихъ измѣнниковъ". Войскамъ предписывалось „ити на Тулу", а посланцевъ, отправленныхъ передавшимся на сторону самозванца воеводой Масальскимъ, сына боярскаго Игната Селиванова и рослав. мѣщанина Анисима... отправить обратно „безъ всякіе зачопки". Грамота оконч. словами: „писана въ Рославлѣ лѣта ҂зреі іюня въ кв день.

Воевода Рославльскій
Дмитрей Васильевичъ Масальскій
рукою власною.

(Библ. гр. Рачинскихъ въ Познани Рук. № 34 стр. 67.).

Ср. т. у Бантышъ-Каменскаго Переп. съ Польшею часть II, стр. 86 (сообщ. Шуйскому возвращавшихся изъ Польши пословъ).

[2]) Далѣе Пясецкій сообщаетъ о возстаніи противъ Сигизмунда (рокошѣ), объ упорной борьбѣ поляковъ (Сапѣги, Ружинскаго) съ русскими (стр. 235—279), а о Маринѣ подъ 1612 г. замѣчаетъ: corruptis pretio Dunensibus Kosacis, a quibus Marina Mniszkowna cum filio suo ex Demetrio suscepto tradita, aquis subter glaciem immersa et Zarucki ipsius defensor palo infixus interiit (возлѣ Калуги, Марину выдали съ сыномъ подкупл. донскіе казаки, она была спущена подъ ледъ и утоплена, а Заруцкій посаженъ на колъ). Ту же версію о смерти М. передаетъ и неизв. англ. авторъ въ The Rus. Imp стр. 243 (made the water her grave), называя ее женщиной съ необыкновенной силой духа и характера.